

Дерево, укоренившееся на одном месте и живущее сотни и тысячи лет, если вдруг почувствует скуку, несомненно, столкнётся с катастрофой.

Чанъань опустил взгляд на маленькую ладонь, прижатую к его груди, и быстро понял намерение собеседника: «... У меня нет сердца, но есть корни. Если не веришь, потрогай».

Цзи Саньмэй не смог скрыть изумления, уставившись на промежность Чанъаня, где даже под свободной монашеской рясой отчётливо вырисовывались внушительные размеры.

Вот это да, дерево заговорило двусмысленно.

Чанъань, видя, как выражение лица Цзи Саньмэя становится всё сложнее, не мог понять, что происходит, но его преимущество заключалось в том, что он никогда не заикливался на том, чего не мог осмыслить.

Он ткнул себе правым указательным пальцем в область даньтяня: «Мои корни растут здесь. Потрогай».

Цзи Саньмэй: «...» Похоже, произошло большое недоразумение.

К счастью, Цзи Саньмэй был толстокожим. Спокойно подняв взгляд, он с серьёзным видом приложил руку к указанному месту и действительно почувствовал, как под кожей и мышцами что-то живо пульсирует.

Это было «сердце» дерева.

Чанъань, глядя на Цзи Саньмэя вблизи, с приподнятыми, полными очарования уголками глаз, искренне произнёс: «Когда я увидел тебя, мои корни дрогнули. Поэтому я и захотел тебя купить».

Цзи Саньмэй сохранял каменное выражение лица.

Слова были хорошие, но он почему-то чувствовал, что это дерево над ним издевается.

Столкнувшись с таким обращением, Цзи Саньмэй обычно опускался до уровня собеседника. Он устремил взгляд в глаза Чанъаня, бесцеремонно опёрся локтем на его колено, а губы, сжимавшие курительную трубку, изогнулись в дерзкой улыбке, и он произнёс смутным голосом: «Теперь я твой. Так что... что ты хочешь сделать?»

Вопрос и сам человек обрушились на Чанъаня неожиданно. Глядя на ребёнка, который внезапно приблизился к нему, он почти растерялся, долго размышлял, но так и не нашёл ответа, а лицо его уже покраснело.

Цзи Саньмэй только начал наслаждаться своей победой, как услышал, как кто-то с ледяным тоном произнёс его имя: «Цзи Саньмэй».

Он произвольно вздрогнул, обернулся и столкнулся с холодным лицом Шэнь Фаши, что произвело на него сильное впечатление.

Шэнь Фаши равнодушно смотрел на Цзи Саньмэя: «Кто же тебя купил?»

Цзи Саньмэй вдруг понял и быстро подхватил: «Спасибо, дядя Шэнь!»

Говоря это, он несколько раз ударялся языком о мундштук трубки, отчего слова звучали

прерывисто, но с оттенком соблазна: «Дядя Шэнь, вы дали мне новую жизнь, я всегда буду помнить об этом и однажды отплачу вам своим телом...»

Почему-то, пока Цзи Саньмэй нёс эту ахиною, тело Шэнь Фаши дважды содрогнулось, а напряжённое лицо на мгновение исказилось.

Нескольких трубок табака не хватило, чтобы Шэнь Фаши полностью привык к ощущению, будто его внутренности лижут.

И теперь, чем ближе был Цзи Саньмэй, тем сильнее разгоралось пламя у него внутри.

Вернёмся на полчаса назад.

Шэнь Фаши сидел в кабинете, напряжённый, его лицо то бледнело, то краснело, что сильно беспокоило Ван Чуаньдэна.

Продержавшись ещё немного, Шэнь Фаши не выдержал, резко встал и большими шагами направился к коридору, но Ван Чуаньдэн схватил его за руку сзади: «Губернатор!»

Ван Чуаньдэн подумал, что Шэнь Фаши снова «срывается», и хотел напомнить ему, что нельзя так терпеть, иначе душевное равновесие, с таким трудом обретенное после ухода в монахи, будет разрушено.

Но вскоре он понял, что дело в другом.

Когда он опустил взгляд и увидел, как губернаторский «зонтик» раздулся, приподняв монашеское одеяние, он всё осознал.

Ван Чуаньдэн немедленно отпустил руку Шэнь Фаши и почтительно произнёс: «Губернатор, умывальная комната — за этой дверью, поверните направо, это самый быстрый путь».

Шэнь Фаши: «... Хм».

Прислонившись к стене в умывальной, Шэнь Фаши стиснул зубы от нетерпения. Высокий «зонтик» указывал на табличку с надписью «Спокойствие и воздержание», что создавало забавный контраст.

Он не мог успокоить своего разыгравшегося «малыша».

Ведь тот, кто так усердно его лизал, ещё не остановился, и, судя по привычкам Цзи Саньмэя, если он сам не выйдет и не прервёт его, тот может курить с утра до вечера.

Переодевшись в более узкие штаны и с трудом уложив «зонтик» между ног, Шэнь Фаши наконец осмелился выйти, двигаясь крайне неловко.

Он смотрел сверху вниз на Цзи Саньмэя, привлекавшего к себе внимание, и вынул из его рта трубку — причину своих мучений.

Цзи Саньмэй, выкурив несколько трубок, наконец почувствовал себя как в старые времена и, естественно, не хотел сдаваться. Он бросился к Шэнь Фаши, обнял его за талию и, с привычной манерой угождать, с улыбкой начал капризничать: «... Дядя Шэнь, дайте мне ещё разок покурить?»

Но прежде чем он успел как следует обнять его, его безжалостно подняли и утащили подальше

от Чанъаня.

«В таком юном возрасте уже такая сильная зависимость от табака, это никуда не годится», — Шэнь Фаши, прежде чем Цзи Саньмэй успел начать длинную речь, мудро поставил точку. — «Если будешь ещё просить, заставлю тебя бросить».

Цзи Саньмэй тут же сник, но быстро оправился и, глядя на профиль Шэнь Фаши, начал утолять свою жажду.

Как говорится, кто чем увлекается, тот на то и смотрит. Чем строже и аккуратнее был одет Шэнь Фаши, тем больше Цзи Саньмэю хотелось раздеть его глазами, представляя, как его пальцы скользят по талии, нажимают на ямочку на спине, заставляя тело расслабиться, а затем...

Цзи Саньмэй не успел дойти до самого интересного, как Шэнь Фаши бросил его в кабинет.

«Иди напиши письмо своему отцу». Сообщи ему, что ты вернулся.

Сказав это, он развернулся и ушёл, направляясь в главную келью.

Переступив порог, он бросил взгляд на Чанъаня, который тут же почтительно встал, поклонился и послушно побежал в свою комнату медитировать.

Перед тем как войти, он с сожалением взглянул на кабинет и увидел, как Цзи Саньмэй садится за письменный стол, перед разложенной бумагой. Его улыбка, ещё недавно яркая, как весенние цветы, теперь увяла. Он молча размышлял о чём-то, его лоб был гладким, но казалось, будто внутри запутались бесчисленные корни.

Увидев это, Чанъань задумался.

Вчера, когда они впервые встретились, он был маленьким рабом с железным ошейником на шее, покорным и послушным.

Но вскоре он сбросил эту жёсткую оболочку, стал веселым, беззаботным и циничным.

А теперь Чанъань почувствовал, что случайно снял с него вторую оболочку.

Он был как лук, и никто не знал, сколько ещё слоёв доспехов, способных вызвать слезы, скрывалось под его фиолетовой кожей.

Чанъань с удивлением обнаружил ещё одно маленькое растение и заинтересовался им, но тут его кто-то потянул за руку.

Он обернулся и позвал: «Дедушка Лампа».

Ван Чуаньдэн с неизменной мягкой улыбкой сжал плечо Чанъаня: «Не смотри, ему всего восемь лет, неприлично».

Чанъань возмутился: «Мне три года».

Ван Чуаньдэн улыбнулся и быстро сменил тему: «Подглядывать за старшими — это неуважение».

Он взял Чанъаня за плечо и затолкал в свою комнату.

Сидя рядом с рассеянным Чанъанем, Ван Чуаньдэн всё ещё думал о том, как губернатор случайно «выпустил птичку».

В его памяти только в присутствии того человека губернатор терял контроль.

У него появилось предположение, но предположения — это ещё не факты. Он лишь торопил Чанъаня поскорее успокоиться, отбросить все мирские заботы и не обращать на них внимания.

В главной келье Шэнь Фаши сел на кровать, на которой спал Цзи Саньмэй.

Его тепло уже испарилось в утреннем воздухе раннего лета, но лёгкий молочный аромат всё ещё витал в постельном белье. Его присутствие настойчиво напоминало Шэнь Фаши четыре слова: «младенческий запах».

Он прошептал имя Цзи Саньмэя, накрыл лицо одеялом и с наслаждением вдохнул молочный аромат.

Это было новое тело Цзи Саньмэя и новый запах, к которому ему нужно было привыкнуть.

Но сейчас он был слишком маленьким, и его поведение было немного странным.

... Как будто он не помнил того, что они делали в прошлом.

Шэнь Фаши не мог понять, притворялся ли он, чтобы подразнить его, или из-за перерождения унаследовал только распутные привычки Цзи Саньмэя.

Может быть... стоит понаблюдать за ним, пока он не подрастёт.

<http://bllate.org/book/16281/1466117>